

вы же переносили все с неизменной учтивостью, а это дается лишь людям благородной крови.

– Любезная девица, – отвечал Бомейн, – немногoго стоит тот рыцарь, который не выказывает кротости даме. Что ни говорили вы мне, я не придавал словам вашим значения – ведь чем больше вы меня бранили, тем больше возрастал мой гнев, а я обращал его на тех, с кем сражался. Брань, которой вы меня незаслуженно осыпали, только подвигала меня на храбрый бой и была мне на пользу, она внушала желание отличиться и выказать себя таким, какой я в самом деле есть. Ведь как ни по душе мне было кормиться при дворе короля Артура, я бы, наверно и в другом месте снискал себе пропитание, но я, может быть, просто высматривал Себе товарищей. Как-нибудь в другое время еще откроется, рыцарского я роду или нет. Пока же помните, любезная девица, что службу я сослужил вам рыцарскую и, быть может, еще не так вам послужу, прежде чем нам расстаться.

– Увы! – сказала она, – любезный Бомейн, простите мне все обиды, что я вам причинила.

– Со всей моей охотой, – отвечал он, – я вам прощаю, ибо вы поступали так, как должно вам было поступать, и ваша брань была мне в удовольствие. Прекрасная девица, – сказал Бомейн, – раз вы теперь предпочитаете обращаться со мной ласково, знайте, что душа моя этому радуется, и сдается мне, нет на свете рыцаря, которого бы я теперь не одолел.

12

Между тем сэръ Персиант Индийский их заметил, как они остановились на лугу и беседовали, и по-рыцарски послал к нему узнать, с миром ли он туда приехал или же с войной.

– Передай господину своему, что это – как он захочет, мне же все равно.

Посланный возвратился к сэру Персианту и передал ему тот ответ.

– Ах так! Тогда я вступаю с ним в поединок, и мы будем биться до последнего.

И он облачился в доспехи и выехал против Бомейна.

Увидав это, изготовился сэръ Бомейн, и они ринулись друг на друга во весь опор, сшиблись что было мочи, и сломались у обоих копыта на три куска каждое, и кони под ними обоими рухнули наземь. Проворно высвободили они ноги из стремян, выставили перед собой щиты, обнажили мечи и стали осыпать друг друга могучими ударами без счета и так друг на друга наскакивали, что, случалось, падали ничком на землю.

Так рубились они два часа с лишком, и уже щиты у них и панцири были иссечены, и во многих местах были они оба поранены. Но под конец сэръ Бомейн пробил ему бок, и он стал понемногу отступать, хотя долго еще по-рыцарски вел с ним бой. Но вот наконец, хотя и не по душе ему то было, Бомейн ударил сэра Персианта сверху по шлему, так что рухнул тот ничком наземь, а он сверху на него прыгнул и, распутав завязки его шлема, приготовился его убить. Тут признал сэръ Персиант свое поражение и запросил пощады. И девица подъехала, стала просить за сэра Персианта.

– Я сохраню ему жизнь с охотой, – сказал Бомейн Прекрасные Руки, – ибо прежалостно было бы, чтобы такой благородный рыцарь должен был умереть.

– Грамерси, – сказал сэръ Персиант. – Теперь я точно знаю, что это вы убили моего брата Черного Рыцаря у Черного боярышника. Достоянный рыцарь то был! Звали же его – сэръ Перард. И еще уверился я, что это вы нанесли поражение второму моему брату, Зеленому Рыцарю, по имени сэръ Пертолип. Вы же победили и третьего моего брата, Красного Рыцаря – сэра Перимона. И вот теперь, сэръ, вы победили и меня. Вот что я готов сделать вам в угоду: я присягну вам на верную службу вместе с сотней моих рыцарей и мы всегда будем у вас в распоряжении, готовые ехать куда вам угодно по первому вашему слову.

И они вошли в шатер сэра Персианта и пили там вино и ели: пряные яства.

А потом сэръ Персиант уложил его на ложе отдыхать до ужина, а после ужина уложил его спать. Когда же сэръ Бомейн уже улегся в постель, – а у сэра Персианта была дочь, прекрасная собой девица восемнадцати лет, вот он и призвал ее к себе и повелел ей, с отцовского благословения, взойти к тому рыцарю на ложе.

– Лягте с ним рядом, дочь моя, и не отпугивайте его, но будьте с ним приветливы и ласковы, заключите его в свои объятия и поцелуйте, да смотрите, чтобы все было сделано, как я повелеваю, если дороги вам моя любовь и доброе расположение.

Так и сделала дочь сэра Персианта, как наказал ей отец: она приблизилась к ложу сэра Бо-